

ПАТЕРНАЛИЗМ В РОССИИ¹

Наталья Алексеевна ЛЯХ,
студентка Тихоокеанского института политики и права ДВГТУ

Значимой чертой политической культуры России является патернализм. В современном понимании патернализм имеет несколько трактовок, которые в общем сводятся к одному идейному принципу — «отеческая забота». В СССР патернализм считали буржуазной идеологической доктриной о «якобы отеческом» отношении предпринимателей к занятым у них рабочим. Таково, в частности, определение патернализма в Большой Советской энциклопедии, которая характеризует его как форму «показной» предпринимательской деятельности, направленной на мнимую заботу о трудящихся².

Парадоксально, что, критикуя западный патернализм, в СССР не видели (или не разрешалось видеть?) яркие проявления патерналистской традиции в своей стране. Между тем патернализмом были окрашены многие стороны общественно-политической жизни СССР: все дети младшего возраста были внуками Ильича, более четверти века страной правил «отец народов» И.В. Сталин. Позднее функцию «отеческой заботы» о народе взяла на себя КПСС, контролируя, поощряя и наказывая своих граждан.

Патерналистская традиция всегда была присуща российской истории, культуре и политическим процессам, однако качественных исследований в данной области по сути не было. Некоторые авторы уделяли внимание этому феномену, но в контексте изучения проблематики национального характера, государственности, централизма. Единственным, пожалуй, исследователем, рассматривающим патернализм как черту политической культуры, является в настоящее время профессор РГУ Т.Ф. Ермоленко. Ряд ее публикаций на эту тему посвящен историческим корням патернализма в российской политической культуре³. Что же касается проявления патернализма в политической практике СССР и в постсоветской России, то эта тема еще ждет своих исследователей.

В настоящей статье предпринята попытка проследить живучесть патерналистских традиций в политической культуре России от их истоков до сегодняшнего дня.

С социологической точки зрения патернализм имеет древние корни. Его истоки восходят к патриархальной семье, которую возглавлял отец-большак. Большак являлся носителем традиционных ценностей векового опыта народа, поэтому его авторитет был непререкаем. В типологии мотивов власти М. Ве-

¹ Работа выполнена в рамках конкурса «Финансовая поддержка научных программ ДВО РАН в 2002 г.» по номинации «Ж» — поддержка участия студентов в научной деятельности институтов ДВО РАН.

бера исторически первой называется власть патриархальная — власть главы рода, племени, ранних государственных образований.

Обоснование патерналистской традиции как черты политической культуры обнаруживается у русских представителей общественно-политической мысли. Общеизвестно утверждение Н. Карамзина о том, что в России «самодержавное правление есть правление отческое и патриархальное»⁴. П. Чаадаев, рассуждая о сильной роли Российского государства, правители которого «почти всегда тащили страну на буксире без всякого участия самой страны», отмечал пассивный характер народа в государственных делах, боязнь самостоятельности, сильный авторитарный характер властвования «царя-батюшки»⁵. Такое рассмотрение патернализма позволяет характеризовать его как политическую анемию, отсутствие инициативы, упование на «верхи», которые лучше знают, что надо народу.

Т.Ф. Ермоленко отмечает, что патернализм — явление, в той или иной степени свойственное всем народам мира. Разница в восточном и западном типе патернализма состоит в том, что европейская цивилизация унаследовала от античного мира характерное для него частное начало, практику договорных отношений между патроном и клиентом. В силу большего поля индивидуального бытия патернализм западного типа в отличие от российского не стал единственной матрицей общежития европейского человека. В то же время патернализм как общекультурная категория в истории человечества приобретает формы, адекватные культурным основам той или иной цивилизации⁶.

Российскую политическую культуру можно причислить к разряду авторитарно-коллективистских, что обуславливает специфику политических процессов в нашей стране. Своеобразие России в том, что у нее прерывная история. Каждый последующий исторический этап отрицал предыдущий и ценой великих жертв отвергал не только те или иные устоявшиеся формы государственной власти и общественной организации, но и прежние нормы и ценности. Вполне естественно, что при этом происходило не только устранение органических пороков, но и утрата части накопленных к тому времени достижений. Однако сколь бы резкими ни были разрывы с прошлым, на всех ступенях развития невольно интегрировались некоторые основополагающие особенности предшествующих этапов. Одна из таких черт — устойчивое проявление в политической культуре патерналистских традиций. Несмотря на все изменения, происходящие в обществе, они передаются из поколения в поколение, получая различную аранжировку, но сохраняя при этом свое содержание.

Власть в России вне зависимости от особенностей режимов и демократических процедур традиционно носит авторитарный характер. Авторитаризм (в «мягком» или «жестком» варианте), как правило, пронизывает сверху донизу все общественные и государственные структуры и определяет характер их функционирования. Политические представления населения основываются на стихийном монархизме («вождизме»), соответственно политическая система всегда фактически строится на монархических принципах, хотя сам «монарх» может быть наследственным или избираемым, пожизненным или временным, может носить различные титулы — великого князя, царя, императора, генерального секретаря или президента.

М.В. Ломоносов, сравнивая по формальным критериям историю Российской и Римской империй, отмечал следующее несходство: «Римское государство гражданским правлением возвысилось, гражданским пришло в упадок. Напротив того, разномысленною вольностию Россия едва не дошла до крайнего разрушения⁷; самодержавством как сначала возвысилась, так и после несчастных времен умножилась, укрепилась, прославилась»⁸. Продолжая эту мысль, можно сказать, что Россия «самодержавством» же и разрушилась в феврале 1917, «самодержавством» (тоталитаризмом) укрепилась в советское

время, а в конце 90-х годов XX в. стала суперпрезидентской республикой. Такая авторитарно-культурная «матрица» родила российский патернализм, важнейшим аспектом которого стал стиль взаимоотношений между государством и обществом.

Государство в силу ряда исторических обстоятельств неизменно занимает в общественной жизни России доминирующее положение. На протяжении многих веков не государство естественным путем выросло из гражданского общества, а общество развивалось под жестким патронажем государства, которое всегда было главным «мотором» общественного развития, инициатором всех существенных преобразований. Демократические права и свободы, как правило, не завоевывались обществом, а даровались милостью государя. Л.А. Тихомиров верно подметил принципиальное функциональное разделение в сознании народа государственной власти на «верховную» и «управительную»⁹. И если «управительная» власть может быть в зависимости от конкретных обстоятельств достаточно сложной и структурированной, то от «верховой» власти народ требует поддержки, опеки, однородности и очевидности. Российское политическое сознание охотно признает власть, которая в той или иной степени носит сакральный характер. Главная функция первого лица, лидера — исполнение роли верховного арбитра, гаранта законности и порядка, опека над социальными слоями. В общественном сознании эти характеристики стали стереотипами, и народ, возлагая надежду на власть, ищет справедливости: ходюки за правдой к царю, ходюки к В.И. Ленину, сегодняшние многочисленные обращения к В.В. Путину — одного поля ягода.

Российская действительность характеризуется ценностями коммунитаризма, восходящими к общинному коллективизму и обуславливающими приоритет групповой справедливости перед индивидуальной свободой. Как следствие, формируются неэффективные модели политического поведения, низкая степень политического участия. В политической культуре России отсутствовали правовая осведомленность, цивилизованные (или хотя бы корректные) формы взаимоотношений между «верхами» и «низами», что вело к постепенному нарастанию напряжения и, как следствие, к «русскому бунту — бессмысленному и беспощадному».

Патерналистские отношения, укорененные в российском обществе, можно рассмотреть как социальную игру в «дочки-матери», где в качестве матери выступает государство, персонифицированное в личности царя-батюшки, царицы-матушки или «отца народов». Уход из жизни таких «родственников» вызывает комплекс сиротства, незащищенности. Достаточно вспомнить смерть Сталина в 1953 г. В обществе царил чуть ли не сумасшествие по поводу кончины «вождя». Многие не мыслили себе будущего без «мудрого руководства». Люди добровольно расставались с жизнью. Церемония прощания в Москве повлекла за собой многочисленные жертвы — в давке погибли десятки людей.

Незащищенный народ всегда ищет нового «покровителя». И выбирают по традиции того, кто больше соответствует сложившемуся образу «отца». Н.А. Бердяев одним из первых отметил жуткую противоречивость политической культуры России¹⁰. Он указал на двойственность русской души — паразитический симбиоз анархизма и любви к государству, готовность отдать жизнь за свободу и в то же время опуститься до «зверской низости». Причину Бердяев справедливо видел в неразвитости личностного начала в российском обществе, а также в стихийном коллективизме.

Историческое отсутствие индивидуализма, личной свободы, частного начала прочно укоренило патерналистские традиции. Коллективизм, патриотизм, бескорыстие, неприязнь к богатству, равенство являются ценностными установками, которые в сумме определяют национальный характер, политическое поведение и уровень исторически обоснованной политической культу-

ры. Эти культурные архетипы, усвоенные человеком в процессе социализации, управляют его поведением на уровне подсознания, и ему бывает трудно объяснить, чем же определен его политический выбор.

Одной из таких «всеобщих идей» является персонифицированное государство. Государство для нас — это его сильный патриархальный лидер, патернализм — государственное попечительство, а патриотизм — лояльность и любовь к «государю-батюшке». Поэтому любой кризис во властных верхах сразу же воспринимается катастрофически, так как с утратой идеологемы государство может исчезнуть из сознания.

Очевидно, что без рассмотрения традиций патриархальной семьи и общинного сознания невозможно обосновать патерналистскую традицию в российской истории. Основой традиционной культуры, важнейшей социальной ячейкой аграрного общества была патриархальная семья, сознание и экономическая основа которой составили патерналистские представления. Патриархальная семья объединяла несколько поколений ближайших родственников, ведущих совместное хозяйство. В классическом виде она существовала на первых этапах рабовладельческой формации, но различные ее модификации сохранились до настоящего времени. Капиталистические производственные отношения разрушили характерную для феодализма связь между жизнью семьи и производством, отпала необходимость в больших «неразделенных» семьях, а семейные отношения приобрели менее иерархический характер.

Исследователи отмечают, что в России патриархальная семья переживала не столь быструю эволюцию. Ее существование долгое время было детерминировано экономической необходимостью, обусловленной климатом. Короткое лето заставляло семью почти одновременно проводить разные полевые работы. Такой трудовой ритм способствовал выработке мобилизационных форм общегития, для которых наиболее адекватной чертой властных отношений в семье был авторитаризм¹¹.

Имущественные отношения, оставлявшие за главой семьи полное право распоряжаться всеми средствами крестьянского двора, налагали на него большую ответственность, требовали выполнения ряда функций. Он представлял семейные интересы в сношении с внешним миром: соседями, старостой, баринном. Сосредоточение командных функций за главой патриархальной семьи оставляет домочадцам только функции исполнения. В такой ситуации человек не испытывает потребности чувствовать себя личностью, он перекладывает ответственность за свою судьбу на семью, на государство и власть. Отсюда точный вывод российских культурологов — «культура русского человека отличается внутренней безответственностью и жесткой внешней ответственностью».

«Посмотрите, как крестьяне понимают свои отношения между собой и к другим, — писал К.Д. Кавелин. — Помещика и всякого начальника они называют отцом, себя его детьми. В деревне старшие зовут младших молодками и ребятами, младшие старших — дядями, дедами, тетками, равные — братьями и сестрами»¹². Отношения в семье осознаются формой родственного возрастного старшинства и меньшинства. Глава семьи был вправе распоряжаться жизнью домочадцев по своему усмотрению, а они должны были принять любое решение как неизбежность, поскольку такое поведение гарантировало выживание семьи как целостности.

По мере разрастания патриархальных семей, их неизбежного дробления крестьяне переходили к общинному устройству. С появлением сел над крестьянами «встал» барин, помещик. Он считался главой крестьянского «мира», представлял своих мужиков перед государством и перед другими помещиками. Крестьянское сознание отводило барину роль отца, главы патриархальной семьи.

Община всецело зависела от государства, так как пользовалась его землями. Властные отношения авторитарного типа в первичной ячейке общества

не могли не отпечататься и в осознании власти государства как власти патриархальной. Государство взяло на себя роль отца. Но в этих же обстоятельствах коренятся и предпосылки русского бунта. Голод, война, моровое поветрие, кризис государственной власти разрывают традиционные связи. «Мужик» бунтует. Однако цель крестьянской войны вовсе не в том, чтобы изменить традиционный порядок. Наоборот, общинное сознание бьется за то, чтобы вернуть исходное патриархальное благополучие, нарушаемое властью, отступающей от Божьих заветов. Классический пример: Пугачев и его сподвижники не шли против монархии, а стремились заменить государыню Екатерину II на «законного» Петра Федоровича.

Массы народа, по мнению К. Кавелина, «по отношению к царю назывались сиротами. Этим выражалось, что царь был их опекун, оберегатель и защитник от врагов»¹³. Славянский общинный быт сохранился на протяжении всей истории России под властью, будь то отца-большака, царя-батюшки или императора и закрепил архетипичное сознание. Личность не представляет в русской политической истории и культуре самоценность, она растворяется в общине и государстве. Русский человек скорее ощущает единство социума, к которому принадлежит, чем себя в социуме. Характерной чертой этого общинного архетипа является стремление перекладывать ответственность за свою деятельность на государство, что приводит к самозакреплению, стремлению «спрятаться» за власть и тем самым уйти от ответственности. Такой тип взаимоотношений демонстрирует удивительное постоянство и преемственность.

Очевидно, что историческая традиция патерналистской ментальности не искоренена в настоящее время и не исчезнет, пока сильны сложившиеся культурные архетипы. Патернализм, обоснованный историческим прошлым российской государственности, наличием патриархального уклада и общинного сознания, плотно укоренился в нашем обществе и не дает в настоящее время «плодородной почвы для «привития» чисто западных ценностей либерализма и демократии.

Говоря о совместимости условий, при которых слагалась самодержавная традиция, очень важно учесть роль церкви. По мнению Л.А. Тихомирова, самодержавная монархия не может существовать без двух основ: религиозного идеала и верховной власти, опирающейся на социальный строй¹⁴. Действительно, церковь вырастила московского князя сначала до великокняжеского, а затем до царского величия, утвердив при этом единство народного самосознания, связав народы верой. В эпоху Московской Руси идеологическая доктрина несла теорию царского самодержавия: «Светлый идеал, который носился над страной в виде самодержца, вытекает из христианского понимания общих целей жизни»¹⁵, т. е. Бог — отец небесный, а управляющий от его имени на земле царь — отец земной.

Молясь в церкви, русские подданные просили за государя и за его покровительство. Невозможно представить себе большего чувства подчинения. «Вдумываясь в психологию, мы поймем, почему народ о своем царе говорит в таких трогательных и любящих выражениях: «государь-батюшка», «надежда», «православный царь». В этой формуле все: и власть, и родственность, и упование, и сознание источника своего политического принципа»¹⁶.

Самодержавная традиция родила веру в сильного, авторитетного лидера и, соответственно, ожидание от него опеки и «чуда». Чем более жестокой, сильной и деспотичной была власть в России, тем она более почиталась и поддерживалась. Иван Грозный и И. Сталин это прекрасно понимали.

Этот стереотип сознания объясняет склонность окружать авторитетных государственных деятелей соответствующим ореолом. Всем известны «простота» и «трудолюбие» таких радикальных лидеров, как Петр I и В.И. Ленин.

Все это — демонстрация потребностей общества в опеке и оправдание силы государя.

Принципы и механизмы отношений господства и подчинения между властью и населением были усилены практикой организации государства в период татаро-монгольского ига. По словам Н. Данилевского, «верховная власть (имеется в виду власть московских князей) тогда являлась «облегчительницей» той тягости, которую несло с собой иго. Московские государи играли роль матери семейства, которая хотя и настаивает на исполнении воли строгого отца (хана), но вместе с тем избавляет от его гнева, и которая столько же пользуется авторитетом власти над своими людьми, сколько и нежною их любовью»¹⁷.

Свое фундаментальное закрепление культура подчинения получила при Иване Грозном, когда завершился период формирования централизованного Российского государства. Абсолютистский характер самодержавия обрело с эпохи Петра I, когда патерналистское сознание стало ориентироваться на «императора Всея Руси». Великое смирение перед самодержавием было в определенной степени обратной стороной великой национальной гордости. По словам Ф. Нестерова, «сущность Российского государства преломлялась в сознании народа так, что вся безграничная преданность этому светлему государству, что «сияет как солнце в небе», все надежды на конечное торжество справедливости, все чаяния обездоленных и угнетенных сходились к личности государя, окруженного радужным ореолом народной сказки»¹⁸.

Ориентация на государство — одна из важнейших характеристик российской политической культуры. Отсюда еще одна характерная черта русского человека, весьма схожая с патернализмом — этатизм. В коллективном сознании этатизм проявляется как ценностное отношение к государству — «державе», «родине», которое обеспечивает опеку над нацией и ее консолидацию. «Державность» для русского человека — это своеобразная основа сознания. Сильное государство и слабо структурированное общество — фундаментальные черты русской истории. После разрушения самодержавия его место успешно заняла КПСС, которая подчинила себе не только государство, но и проникла во все сферы общества. Самое интересное здесь, пожалуй, то, что массовое сознание охотно признало за КПСС роль «отца-избавителя». Обманутая жена шла в партком, чтобы вернуть в семью загулявшего мужа, точно так же, как обиженная сноха искала справедливости у отца большого семейства. И в современной России, если и существует какой-нибудь политический консенсус, то он кроется в убеждении, что сейчас необходимо прежде всего восстановить авторитет сильного государства.

Усиление патерналистского поведения народа и власти наблюдается с началом модернизации России. Попытки в XIX в. создать индустриальное общество усиливали ориентацию на традиционные культурные ценности. Сложившаяся ситуация обусловила возврат общественного сознания к исходным началам русской культуры, в том числе патерналистским отношениям. Началась реанимация культурных архетипов, которые никуда не исчезают, а в свернутом состоянии ждут своего часа, и затем, как спираль, стремительно разворачиваются и реализуют ту историческую цель, которая когда-то в качестве альтернативы не была реализована.

Рассматривая эволюцию политических процессов в политической культуре XIX в., надо отметить, что любые преобразования всегда влекут за собой нестабильность в обществе, а, значит, появляется желание вернуться к прошлому, к традиционно сложившемуся укладу жизни. Попытки построить государство и общество с позиции европейского либерализма привели лишь к созданию европеизированной столицы, верхушки российского общества. Социальным идеалом народа оставался устоявшийся веками патриархальный консерватизм. Помещичье мировоззрение, как и крестьянское, не представля-

ло собой разрыва с сельской средой. Помещик считал себя «отцом», «опекуном сирот». «На сей незыблемой основе покоится Святая Русь», — писал в 20-е годы XIX в. тверской помещик Александр Бакунин, который, имея 1000 душ крестьян, попытался дать им «конституцию»¹⁹. Крестьяне такое новшество отвергли. «Добрый барин» казался лучше неизвестности.

Правление Николая I характеризуется ярко выраженной патерналистской окрашенностью политической культуры. Новый император и его круги сознательно пытались опереться на силы традиционализма. Идеалу либеральной политики Александра I был противопоставлен попечительный и охранительный идеал надзора власти за общественными силами и заботы царя о народе. Выработанная идеология «официальной народности» стала одной из важнейших идей русской политической культуры.

Патернализм как поведенческий стереотип пронизывал не только крестьянское сознание, но и мировоззрение образованного общества, видных представителей российской элиты того времени. Любопытна в этом отношении «Записка о народном воспитании», представленная Николаю I А.С. Пушкиным в 1826 г., которая демонстрирует взгляд автора на необходимость государственной опеки над подрастающим поколением: «Должно увлечь все юношество в общественные заведения, подчиненные надзору правительства, должно его там удерживать, дать ему время перекипеть, обогатиться знаниями, созреть в тишине училищ, а не в шумной праздности казарм».

Т.Ф. Ермоленко выделяет несколько обстоятельств, упрочивших патерналистское сознание россиян в XIX в.²⁰ Усиление ориентации на российские исторические ценности и архетипы происходило по мере того, как в Европе усиливалась дезинтеграция общества. Вместо обещанного просветителями XVIII в. идеального общества, основанного на разумных началах свободы, равенства и братства, реальностью XIX в. стал капитализм с его неприкрытой жадностью к наживе и безразличием к тем, кто не преуспел в борьбе за существование. Это привело к тому, что для русского общества идеал Европы, долгое время служивший ориентиром, потускнел. Взглянув с иных позиций на мир, значительная часть образованной России стала искать идеалы в собственном прошлом.

Другая группа обстоятельств, укоренивших патернализм в XIX в., связана с опытом исторического развития самой России. Поскольку регулярные попытки реформировать ее по европейским образцам, предпринимавшиеся в XVIII в. и в начале XIX в., были неудачны, возникла потребность искать иные пути, нежели те, что предлагал европейский вариант модернизации. Победа русского оружия в войне с Наполеоном укрепила национальную гордость, консолидировала общество и выступила стимулом в поисках своего пути развития.

Сказались, безусловно, и изменения в культуре общества. Трансформировался социальный носитель русской элитной культуры: рядом с дворянином все увереннее занимает место разночинец, который демократизирует духовную жизнь страны, придает ей народный оттенок. По времени это совпало с этапом диалога европейской и российской культур, когда российская культура стала выходить из состояния «впитывающей» стороны. 20-е годы XIX столетия считаются началом «серебряного века», получают свое развитие художественная проза, поэзия, искусство. Все это укрепляет патриотические чувства и гордость принадлежности к русской национальной культуре. Борьба за духовную независимость сопровождается ростом русофильских настроений.

Нельзя, наконец, не сказать и о роли капиталистической модернизации России. Индустриальная волна несла не только технический прогресс, но и массовый психологический дискомфорт, связанный с процессами урбанизации, пролетаризации и маргинализации общества. Сословные корпорации распались, менялась социальная структура, формировались новые социальные

слои и классы. Освобождение человека от давивших его традиций приводило зачастую не к созданию свободной человеческой индивидуальности, а к появлению опустошенных людей. Крестьянское сознание болезненно реагировало на какие-либо внедрения сверху. Поэтому, чтобы обеспечить укрепление новых элементов в коллективном сознании, власть старалась придать новому вид «старого», более привычного и понятного, а именно — укреплять самодержавные традиции и авторитет императора.

Царствование Александра II приносит серьезные перемены в политическую ситуацию страны, меняет ее политическое лицо, однако постулаты подданнической культуры остаются непоколебимыми. Беспрецедентное в мировой практике мирное освобождение 23 миллионов крестьян патриархальная почва России приняла по-своему. Крестьяне потеряли отца-помещика, заступника и гаранта благополучия. Разрыв вековых связей между помещиком и крепостным породил волны недовольства. Теперь мужиками стали ведать не помещик с управляющим, а целая армия чиновников. Отмена крепостного права по сути отдала крестьян из собственности помещика в собственность государства и бюрократии.

Стало ясно, если разрушить традиционное сознание, то неминуемо изменится отношение к власти и к государству в целом. В этой связи появилась доктрина «контролируемой модернизации». Этот политический курс совмещал на уровне идеи либеральную тактику с консервативной стратегией, а на уровне практики — обновленный реформами государственный уклад с незыблемостью самодержавия. Особенно отчетливо это проявилось в период правления Александра III. Власть декларировала идеи о «благоверной Москве», «послушном народе» и «любвеобильном патриархальном самодержавии», что отвечало сложившимся в сознании стереотипам, этактистским настроениям и патерналистским традициям.

Сильное самодержавие конца XIX в. было архаично по сравнению с мировым развитием, но оно точно и традиционно отвечало ожиданиям подданных. Чем выше степень самодержавности, тем более почитаема и одобряема власть в патриархальном коллективном сознании, тем выше степень верности и патриотизма. Правительство, отошедшее от европейских образцов развития, опиралось на традицию и разработало модель развития России, адекватную ее сущности. Патернализм в этой модели рассматривался в качестве метода, способного сделать менее болезненным процесс трансформации российского общества, предохранить его от революционного взрыва.

Советская политическая культура не может быть отделена от русской истории. Большевики, осуществив захват власти, пошли по тому же пути. В ментальности советских людей под влиянием модернизационных процессов и тоталитарной власти с лидером-вождем во главе возродились элементы духа старой России. Советский лидер автоматически заменил императора, став официальным пророком, ясновидцем и вождем. Народ стал автоматически называть его отцом уже по сложившейся традиции. Жестокость Сталина не мешала созданию легенды о его справедливости. С лидером-вождем, государством в массовом сознании соотносился идеал светлого будущего, надежды на лучшую жизнь, социальные гарантии, отсутствие конфликтов.

Подданнические ориентации, укрепленные мобилизующей ролью государства, привели к поглощению индивида обществом. Легитимизация партийно-государственной власти, утверждение ореола ее святости, высшей и неоспоримой ценности по сравнению с любой другой формой лояльности, характерны для стран со значимым удельным весом маргинальных групп. Именно они стали социальной базой советского режима. Пройдя через тоталитарную деформацию, коллективное сознание с готовностью приняло новые ценности, нормы и символы, которые приняли характер старого — то же закабаление,

лишение свободы личности, уничтожение частного начала и рационального мышления.

В литературе, кино, в средствах массовой информации складывались каноничные образы «героя своего времени»: любовь и преданность партии и вождю, вера в идею, ненависть к врагам, почитание государства. Государство, в свою очередь, всячески поддерживало и развивало эти ценности, апеллируя к историческим архетипам. Особенно отчетливо проявилось это в период позднего сталинизма: во время Великой Отечественной войны были введены погоны у офицеров, связанные с символикой и идеологией Российской империи, были возрождены старые воинские традиции. В официальных обращениях стала использоваться русофильская лексика. На помощь была призвана даже церковь. Обращение к корням, несомненно, порождало патриотические чувства. Дорогое для человека слово «Родина» стало использоваться как псевдоним системы-государства во главе с лидером. Отсюда столь популярный в годы войны лозунг: «За Родину, за Сталина!»

Государство взяло на себя не только функцию гаранта социальной стабильности общества, но и роль всеобщего арбитра над личностью. Авторитарный характер власти оправдывался ее благодеяниями: низкой квартплатой, бесплатным образованием и медициной, льготными путевками и т. п. Все, что в какой-то степени восполняло тяготы человеческой жизни, обставлялось как благодеяние («сталинская забота», «забота партии») государства. Вся жизнь человека была изначально расписана, задана государством, и советский человек в своем социальном инфантилизме, как в панцире, чувствовал себя вполне комфортно. В социальном отношении советские люди оставались детьми до самой смерти. Поэтому сейчас население с ностальгией вспоминает советское время и заботу государства.

Концентрация власти в руках правящего класса делала излишним диалог власти с обществом и ограничивала движение политических инициатив направлением сверху. Политическое участие населения осуществлялось принудительно: с помощью идеологического давления создавался показной активизм, а введением представителей трудящихся в законодательные органы формировался эффект народовластия. Постоянство, с которым обеспечивалось воспроизводство политических ориентаций подданнической культуры, обеспечивалось средствами тотального контроля за процессом политической социализации населения. Во-первых, существовал такой ее универсальный инструмент, как коммунистическая партия, являвшаяся единственным каналом карьерного продвижения. За успехи по службе необходимо было платить политической лояльностью режиму, преданностью его идеологии. Во-вторых, была создана четкая и эффективная система политической социализации, институты которой осуществляли процесс внедрения в сознание коммунистических идеалов начиная с детского сада.

Определение политической культуры и реалий советского периода красочно дано А.Х. Бургановым: «Мы имели тоталитарное государство, поглотившее общество и подавившееся им... Ни государство не смогло выплюнуть его, ни само общество не может выйти из его звериной пасти»²¹. Советский человек верил в силу власти. Государство решало, опекало, защищало. С «отцом-батюшкой» связывались все надежды. Эти же надежды определили и широкую поддержку Б.Н. Ельцина, который представился «спасителем от застойного коммунизма», человеком сильной руки, таким «здоровым русским мужиком с Урала». Он смотрелся выигрышно по отношению к престарелому политбюро. В него поверили, как не раз случалось в российской истории.

В настоящее время политическая культура России представляет собой синтез разнородных политических ценностей, установок и стандартов политической деятельности. Ошибочно предполагать, что декларирование несостоя-

тельности коммунистических ценностей и идеалов подданнической политической культуры советского типа может быстро привести к формированию политической культуры активной гражданственности. В сознании масс по-прежнему сильны патерналистские ценности.

Массовое сознание с одной стороны отражает, а с другой — усиливает противоречивость, «разорванность» социальной практики. Нежелание жить по-старому сочетается с сильными разочарованиями в новых идеалах. Ностальгия по прежней стране с ее социальными гарантиями уживается с разного рода проявлениями изоляционизма. Привыкание к свободе частной инициативы сопровождается нежеланием брать на себя ответственность за последствия своих решений. Стремление отстоять обретенную свободу частной жизни от непрошенных вторжений, в том числе от недремлющего ока государства, сочетается с тягой к «сильной руке».

Политические партии, парламентаризм, способность общества к политической самоорганизации имели в России слишком недолгую историю к тому времени, как большевики положили конец всему этому. Возрождение этих институтов в настоящее время повлекло за собой политическую нестабильность, разрозненность идей и отсутствие ориентиров. В России сформировалась авторитарная политическая власть: страной управляют указы президента, а не законы, принимаемые парламентом. Конституция не соблюдается, милиция и силовые структуры наделены чрезвычайными полномочиями. Политическая власть, как и всегда, принадлежит исполнительным органам, которые доминируют над законодательными.

Историческая традиция подтверждает, что сильная президентская власть во главе государства, какую предусматривает Конституция 1993 г., является адекватной для России формой организации власти. Для смены лидера во властном центре демократия предлагает лишь один инструмент: альтернативные выборы. Принцип альтернативности предполагает выборность политического лидера из определенного круга лиц, однако новейшая история последних лет дает нам яркие примеры прихода к власти лидера, патриархальный образ которого соответствует архетипам, сложившимся в сознании. На смену первоначально популярному Б. Ельцину пришел неизвестный В. Путин, популярность которого возросла сразу же после объявления его преемником.

Проведенные в 1997 и 2001 гг. опросы показывают резкий рост доверия к институту президентства (1997 — 19,8 %, 2001 — 63,5 %) ²². В то же время доверие к демократическим институтам достаточно низкое (данные 2001 года): правительство — 33,6 %, Совет Федерации — 19,3 %, Государственная Дума — 15,1 %, политические партии — 9,8 %. В силу исторической традиции люди больше надеются на главу государства, верят, что новый лидер сможет изменить жизнь общества, навести порядок в стране.

Общество ждет такого государства, которое снова охватит все своей компетенцией. В сознании россиян именно Президент должен навести порядок, гарантировать рабочие места, позаботиться о благосостоянии, сформировать новые ценности и мировоззрение, которое позволят верить в государство. Государство должно выполнять свои «родительские функции».

Стереотип патернализма выражен в ментальных установках россиян по-прежнему весомо и отчетливо. Так 84,7 % участников всероссийского опроса убеждены в том, что государство должно неусыпно заботиться не только о детях, стариках и инвалидах, но в равной степени и обо всех гражданах ²³. Характерно, что такая точка зрения практически не зависит ни от возраста, ни от пола, ни от уровня образования и места жительства респондентов.

Косвенные индикаторы, использованные в петербургском опросе 1996—1997 гг., подтверждают эту тенденцию. Почти две трети жителей города полагают, что уровень материального благополучия семьи зависит прежде всего от

властей, а не от собственных усилий. Кто-то больше уповает на федеральные власти, кто-то — на городские, но в любом случае человек в обеспечении достойного существования рассчитывает не на собственную активность. Характерно, что менее трети участников опроса (30,4 %) имеют дополнительный заработок (вторую и третью работы), т. е., собственная деловая инициатива рассматривается в качестве выхода из кризиса незначительной частью горожан. И это в С.-Петербурге, в городе с большими потенциальными возможностями для реализации своих способностей²⁴. Сторонники прежней социальной системы существенным достоинством ее считают как раз «заботу о людях», уверенность, что тебя «не оставят без куска хлеба» (характерное «не оставят» явно направлено в сторону государства).

Сегодня жизненный успех, материальное благополучие напрямую зависят от индивидуальной активности человека. Однако миллионы людей ощущают себя «сиротами», брошенными отцом-государством. Данные 1995 г. констатировали, что 25 % взрослого населения находилось в стрессовом состоянии, а еще 40 % пребывали в состоянии напряжения и страха, так как лишились привычной почвы под ногами²⁵. Трансформация этой установки в массовом сознании, если она вообще возможна, займет длительное время.

С одной стороны, заметны тенденции к самоорганизации, с другой — широкие слои населения по-прежнему возлагают большие надежды на государство. Отсюда растущее требование «сильной власти», наведения порядка и обеспечения безопасности в обществе. Эти цели все чаще оказываются в программных установках партий и предвыборных лозунгах кандидатов на власть. Россияне по-прежнему считают, что социальные гарантии должны рассматриваться как базисные, охраняемые государством, что демократия должна не только обеспечить соблюдение прав, но и гарантировать достойный уровень жизни.

Сейчас государство — в основном объект критики, чувство гордости за него вызывают лишь исторические события. Историческая память носит отчетливо этатистский характер. Каждый пятый-шестой из числа опрошенных воспринимает Россию как государство со статусом великой державы. Восхищает то, что мы были «самыми сильными и нас все боялись». Эта ностальгия о державном прошлом — результат подлинной и мнимой униженности перед Западом. Люди стыдятся подачек МВФ, их раздражает засилье американизма, «холуйство» перед Западом. Такая державность — это не просто антитеза «ненашему» Западу, а символ сильного государства-отца, способного обеспечить всеобщее благоденствие и достойное существование своих «детей».

Державность в традиционном смысле — «власть твердой руки». Две трети опрошенных в 1996 г. были убеждены в том, что Россия должна сохранить статус великой державы, даже если для этого потребуется установить власть «сильной руки»²⁶. В своей ориентации на могущественное государство участники опроса достаточно единодушны. Сторонники этатизма (69,0 %) и авторитаризма (62,5 %) преобладают и среди специалистов с высшим образованием, и даже в возрастной группе 18—25 лет. Величие державы в сознании предполагает не только мощь и силу, направленную вовне, но и отеческую заботу о своих «детях».

Отвечая на вопрос, как могут быть преодолены существующие трудности материального характера, 42,6 % указали на необходимость повышения зарплаты, пенсий, пособий и лишь 11,9 % отметили, что «мы позаботимся о себе сами»²⁷. Таким образом, надежды на «заботливую руку» государства сильны почти у половины населения.

Патернализм — важнейшая предпосылка распространения авторитарных и тоталитарных тенденций в массовом сознании. Отвечая на вопрос: «Какие периоды в истории страны вызывают больше чувства гордости?», россияне отдали предпочтение эпохе Петра I (54,3 %) ²⁸. Именно этот император в

наибольшей степени соответствует представлениям о том, какой должна быть власть. Власть может быть жестокой, но «настоящей», «правильной». Зримый образ именно такой власти и представляет Петр I. Известно, что внутренняя и внешняя политика Петра привела к усилению тягот для простого народа, но не это фиксируется в массовом сознании. В качестве итога «славных дел» Петра на первом плане видится укрепление международных позиций России.

Современная Россия переживает один из сложнейших периодов в истории своей государственности. Формируется новая политическая культура, самосознание и мировоззрение, однако устоявшиеся патерналистские и подданические ценности остаются незыблемыми. Россиянам свойствен (по сравнению с европейцами и американцами) высокий уровень ожиданий от государства. Причем от государства ждут не столько законов, устанавливающих правила общественной жизни, сколько оказания конкретной помощи и поддержки.

С уверенностью можно утверждать и то, что значительная часть россиян испытывают глубокую потребность в появлении нового «отца-преобразователя». Ответы на вопрос, касающийся оценки деятельности отечественных политиков XX в., показывают, что 46 % респондентов соглашались с утверждением, что России нужен «новый Сталин»²⁹. Речь, разумеется, идет не о возврате к сталинскому режиму. Эти цифры отражают стремление людей решить совершенно конкретные задачи по искоренению преступности и коррупции.

Процент «ожидающих от власти», как правило, выше в малых городах и кризисных регионах, поскольку здесь невысок уровень индивидуалистически настроенной части общества. В сознании парадоксально сочетаются ценности приверженности к нормативной демократии и тяготение к «сильной руке». Почти 70 % респондентов согласны с утверждением, что «России нужна сильная личность, которая сумеет навести порядок в стране» (против — 13,3 %) ³⁰. Тяга к «сильной личности» присуща всем без исключения группам. Но при этом доля согласных с необходимостью «сильной руки» несколько выше среди пожилого и менее образованного населения. Среди лиц со средним образованием соотношение согласных и несогласных составляет соответственно — 77,2 % и 9,8 %; среди лиц с высшим образованием 61 % и 18,2 %. Среди предпринимателей — 69,4 % и 14 %; интеллигенции — 52,5 % и 16,7 %; рабочих — 76,3 % и 9,7 %. Таким образом, общественное мнение, насколько можно судить по данным исследований, тяготеет к явной персонификации власти. Оно склоняется при этом к президентской форме правления, но в виде «авторитарной демократии», а не авторитарной диктатуры.

И все же политическая культура современной России уже не представляет собой однородное поле, сегодня уже нельзя говорить об однозначности патерналистских настроений. Результаты опросов отчасти развенчивают мифы об исключительном патерналистском характере менталитета и ценностей россиян. В последние годы все больше людей разочаровываются в государстве и его возможностях. Теперь, когда подрастает новое поколение, которое не знает советской государственности, происходит надлом коллективно-патерналистского типа сознания. На смену ему приходит модель индивидуалистического сознания западного типа. Краеугольная основа такого сознания — человек «сам себя делающий», несущий ответственность за последствия своих действий. И не случайно по данным опросов ценностные предпочтения, отражающие противоположность инициативно-индивидуалистического и патерналистско-коллективного типов сознания, у молодежи распределяются качественно иначе, чем ответы представителей старшего поколения. Рост индивидуалистических настроений ведет к падению патерналистских ожиданий.

Подводя итог, можно отметить, что массовое сознание в настоящее время отличается крайней противоречивостью, идейно-политической пестротой. Для него характерны различные проявления и тенденции. Патернализм перестает быть единственным типом взаимоотношений, однако это не отрицает его

роли. Восприятие государства сквозь призму его «отеческих функций» по-прежнему очень устойчиво в коллективном сознании.

После распада СССР утраченные федеральным центром функции «заботливого государства» охотно принимают на себя региональные администрации, более близкие к людям и их нуждам. Традиционная модель смыслополагающей государственности не рухнула вместе с советской системой, она лишь «ушла вниз». Этот процесс сопровождается значительным ростом местного патриотизма, возрождением локальных традиций, как культурных, так, и политических (вплоть до воспоминаний о поглощенных когда-то Москвой местных княжествах). К тому же губернаторы (президенты республик) пользуются сегодня среди исполнительных и законодательных структур наибольшим уровнем доверия.

Несомненно, российское историческое сознание предрасполагает к культуре личностей, что создает возможность перерождения демократии в режим личной власти. Эта возможность будет сохраняться до тех пор, пока новые социальные слои и их интересы находятся в стадии формирования. Соответственно будут сохраняться и надежды общества на сильную личность, на нового «отца Отечества».

- ² Большая Советская энциклопедия. М., 1975. Т. 19. С. 813.
- ³ Ермоленко Т.Ф. Патерналистические традиции российской политической культуры // Власть. 2001. № 1; Она же. Патернализм в политической культуре России // Российская историческая политология. 1998.
- ⁴ Карамзин Н.С. Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 21.
- ⁵ П.Я. Чаадаев. Апология сумасшедшего // Россия глазами русского. СПб., 1991. С. 143.
- ⁶ Ермоленко Т.Ф. Патерналистические традиции... С. 67.
- ⁷ Имеется в виду Смутное время в истории России.
- ⁸ Ломоносов М.В. Древняя российская история. Россия и Европа: опыт соборного анализа. М. 1922. С. 21—22.
- ⁹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 46—47.
- ¹⁰ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 9.
- ¹¹ Ермоленко Т.Ф. Патернализм в политической культуре... С. 224.
- ¹² Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт Древней Руси // Наш умственный строй. М., 1989. С. 15.
- ¹³ Кавелин К.Д. Краткий взгляд на русскую историю // Наш умственный строй. М., 1989. С. 166.
- ¹⁴ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 14.
- ¹⁵ Там же. С. 218.
- ¹⁶ Там же. С. 241.
- ¹⁷ Н.Я. Данилевский. Россия и Европа. М., 1991. С. 258.
- ¹⁸ Нестеров Ф.Ф. Связь времен: Опыт исторической публицистики. М., 1984. С. 144.
- ¹⁹ Политическая история России. М., 1998. С. 157.
- ²⁰ Т.Ф. Ермоленко. Патернализм в политической культуре... С. 227.
- ²¹ Бурганов А.Х. Откуда и куда идешь Россия? М., 1996. С. 16.
- ²² Данные Института комплексных социальных исследований РАН // Известия. 2002. 16 апр.
- ²³ Сикевич Э.В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999. С. 149.
- ²⁴ Там же. С. 149.
- ²⁵ Мухаев Р.Т. Политология. М., 2001. С. 276.
- ²⁶ Сикевич Э.В. Социология и психология... С. 153.
- ²⁷ Там же. С. 25.
- ²⁸ Россия на рубеже веков. М., 2000. С. 12.
- ²⁹ Там же. С. 15.
- ³⁰ Там же. С. 32.

SUMMARY: The author of the article «Paternalism in Russia...» Natalya Lyakh states that the remarkable feature of the political culture of Russia is paternalism (the ideological principle — «Paternal care»), though the political culture now does not pretend to be the homogeneous field and, may be, it cannot be said of simplicity of paternal moods. During the last time more people are disappointed in State and its possibilities, though perception of State in the light of his «paternal functions» as usual are a part of collective consciousness.